

Барковская Н. В.
Екатеринбург, Россия

«И ДАЛЕЕ ПО ТЕКСТУ»:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ¹

УДК 82-17

ББК Ш5(2Рос=Рус)6-335

Аннотация. Сопоставление стихотворений 1990-х и 2000-х гг. (А. Левин, В. Строчков, С. Жадан, Е. Фанайлова) выявляет изменение вектора политической сатиры и усиление драматизма. Характерная особенность в поэтическом представлении политических реалий – проецирование на актуальную социальность литературных «сценариев», подчеркнутая интертекстуальность. Действительность осмысливается по литературным образцам по причине повторяемости коллизий и слабой идентичности постсоветского человека. Важная особенность рассмотренных текстов – ироническое дистанцирование автора от precedentных текстов.

Ключевые слова: Политизация лирики, сатирический пафос, аллюзии, интертекстуальность, постсоветская идентичность.

Сведения об авторе: Барковская Нина Владимировна, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: E-mail: n_barkovskaya@list.ru.

Рубеж XX-XXI вв. ознаменовался настоящим поэтическим бумом. Как когда-то в шестидесятые годы, нынешние авторы выступают на поэтических вечерах и форумах, учреждаются поэтические премии и конкурсы, «стихи вживую» помещаются на сайты, десятки книжных серий представляют авторов самых разных поэтических течений, от мистического андеграунда до «женской» поэзии. Всплеск поэзии (наряду с драматургией) понятен в 90-е гг. – он был спровоцирован распадом советской системы. Характеризующиеся стабилизацией 2000-е гг., казалось бы, не благоприятствуют поэзии, однако стихи продолжают лидировать в литературном процессе, что, по-видимому, обусловлено начавшейся рефлексией в ситуации размытой (проблематичной) идентичности: не вполне ясно, чем российский человек отличается от русского и советского, каковы степень «открытости» нового общества и перспективы его развития, каким образом интеллигенция, перешедшая в разряд «людей безнадежно устаревших профессий» (А. Родионов), может выполнять свою гуманизирующую социокультурную функцию и проч. Сегодня лирика решает задачу, в общем-то, эпическую: она занята социальным анализом, хотя, разумеется, в ин-

¹ Работа выполнена в рамках научного проекта «Современный литературный процесс: тенденции и авторские стратегии» при поддержке Федерального агентства по науке и инновациям (гос. контракт № 02.740.11.5002)

Barkovskaya N.V.
Yekaterinburg, Russia

«THEN FOLLOW THE TEXT AS IT IS»:
POLITICAL REALIA IN MODERN POETRY

ГСНТИ 16.21.27

Код БАН 10.02.19

Abstract. Comparative analysis of poems of 1990-s and 2000-s (by A. Levin, V. Stochkov, S. Zhadan, E. Fanajlova) shows the change of the vector of political satire towards stronger dramatism. The characteristic features of poetic representation of political realia are the projection of literary “scripts” on actual sociality and stressed intertextuality. Reality is being comprehended by means of literary scripts because of repetition of collisions and weak identity of a Soviet citizen. The important peculiarity of texts under study is the ironic separation of the author from precedent texts.

Key words: politization of lyrics, satirical pathos, allusions, intertextuality, post-soviet identity.

About the author: Barkovskaya Nina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

дивидуально-личностном, экзистенциальном аспекте.

Наибольший общественный резонанс вызывает, условно говоря, политизированная поэзия, т.е. стихи тех авторов, которые социальные реалии переживают как личные проблемы. Примечателен скандал вокруг стихотворения В. Пуханова «Александру Секацкому», полемика к официальной версии героической блокады Ленинграда [См., напр.: Львовский 2009; Давыдов 2009]. Авторы общаются с аудиторией не только в поэтической форме: Елена Фанайлова – корреспондент радиостанции «Свобода», ведет страничку на OpenSpace.ru, харьковчанин Сергей Жадан – яркий общественный и культурный организатор, получивший в мае 2010 г. звание «Человек года» в номинации «Писатели». Все это свидетельствует о включенности поэтов в жизнь постсоветского социума. Так, С. Жадан признается: «Для меня всегда было важно ощущать связь с социальной средой, из которой я вышел» [Жадан: http].

Сопоставление выбранных стихотворений двух последних десятилетий («ельцинского» и «путинского») показывает нарастание чувства психологического дискомфорта и разочарованности. В 90-е гг. концептуалисты деконструировали советский официальный, а в 2000-е гг. объект сатиры стал размытым, новых концепций и новых значимых ориентиров не появилось. С. Ушакин отмечает феномен «социального молчания», порожденный недоверием к существующему порядку и слабой идентичностью, а также афазию (невозможность найти адекват-

ную форму для самовыражения) и стремление эксплуатировать старые (привычные) культурные символы, что порождает сложные стратегии вторичности [Ушакин 2009]. Вероятно, потому-то так интересны всем стихи с отчетливой социальной проблематикой. В стихах второй половины 2000-х ощущение тупиковости, «виртуальное отчаяние» (Е. Фанайлова), «прихотливая субстанция страха» (С. Жадан) активизируют мотивы смерти (особенно – близких людей) и усиливают желание «командной поддержки», локтя «другого». Романтическая позиция бунтаря или аутсайдера спровоцирована неприятием общества потребления, в котором «гламур» стал важнейшей «идеологемой», этим же пафосом «контркультуры» можно объяснить стилистический экстремизм: широкое использование просторечий и обсценной лексики, наркоманского жаргона, молодежного сленга. Д. Макфадьен пишет, что мат активизировался в литературе 1990-х гг., поскольку он абсурден, натуралистичен, сюрреалистичен и подходил для описания того, чему нет слов в сложившихся противоестественных ситуациях. Арго, мат и даже полуприличный сленг выполняли номинативную, опознавательную и мировоззренческую функции, но главное – они выполняли катартическую функцию, исследуя полную, невыражаемую картину происходящего и все шире открывающейся общественной пустыни [Макфадьен 2009: 112, 114].

Мы выбрали две пары стихотворений, близких по тематике и написанных, соответственно, в 90-е и 2000-е гг., чтобы продемонстрировать изменение вектора сатиры и эмоциональной доминанты.

Сначала рассмотрим стихотворения, связанные с темой преодоления советского дефицита и обеспечения свободы потребления. Стихотворение А. Левина «В зеркале прессы» (1989) юмористически обыгрывает надежды ранней перестройки на создание открытого общества, по образцу демократического и изобильного Запада.

В зеркале прессы*

В огромном супермаркере Борису Нелокаичу показывали вайзоры, кондомеры, гарпункели, потрясные блин-глюкены, отличные фуфлоеры, а также джинсы с тоником, хай-фай и почечуй. Показывали блееры, вылазеры и плюеры, сосисэджи, сарделинги, потаты и моркоуфели, пластмассерные блюдинги, рисованные гномиксы, хухоумы, мумаузы, пятьсот сортов яиц. Борису Нелокаичу показывали мойкеры, ухватистые шайкеры, захватистые дюдеры, компотеры, плей-бодеры, люлякеры-кебаберы, горячие собакеры, холодный банкен-бир. Показывали разные девайсы и бутлегеры, кинсайзы, голопоптеры, невспейпоры и прочее. И Boris Нелокаевич покаялся, что на родине такой же цукермаркерет народу возведет!
(*Перепечатка из итальянской газеты "Карьера делло серое", #139 за 1987 г. [Левин 2007: 103])

Макаронический стиль, традиционно выполняющий функцию комического, дополняется в стихотворении А. Левина «пластилиновыми» словами («гномиксы»=гномы+комиксы), переиначенной на русский лад иностранной лексикой («вылазеры», «плюеры», «блюдинги», «голопоптеры»); смешно смотрится соседство инновационного «хай-фай» со старинным русским «почечуй». Как отмечает С. Ушакин, разгерметизация советского общества осуществлялась во внешнюю среду, без трансформации внутреннего социального пространства [Ушакин 2009], что и выявляет в данном случае иностранная лексика, приспособленная к привычным русским словам. В этом стихотворении Б. Ельцин выступает в роли доброго волшебника Гудвина, а открытое общество моделируется как общество потребления.

Однако в 2000-х гг. стало очевидно, что консьюмеризм отнюдь не залог счастья («о, эти супермаркеты, эти концлагеря для бюджетников, конвейеры для лохов», – говорит С. Жадан (<http://www.netslova.ru/zhadan/sthi.html>) о войне супермаркетов в Харькове в 2006 г.). Среди лирических персонажей молодого украинского поэта много своеобразных романтиков, готовых ценой жизни вырваться из криминально-рыночной системы. В стихотворении «Михаил Светлов» [Жадан 2008: 158-160] герой – представитель среднего бизнеса, тех «демонов черного нала, которые поднимают с колен республику», признавая только двух настоящих друзей, «друга Стечкина и друга Макарова». Марат «тянул трубу через Кавказ, / и дотягивал ее уже до границы. / Ну, и все было хорошо – / благословение со стороны московского патриархата / и крышевание со стороны областной администрации (...) / интенсивная личная жизнь». Однако «кредит», «растаможка», «нефть», «кровь» и даже любовь, понимаемая как «желание иметь детей после дефолта», не спасли его от тоски. По ночам Марату снилось, что он сидит на белых песках, напевая

о, Андалузия, женщина
с черной кровью,
эта твоя черная кровь
чернее месопотамской нефти.

О Андалузия тишины,
Андалузия страсти.
Я твой пес, Андалузия,
твой беспонтовый бродяга
(...)

Твои черные-черные волосы
длиннее коридоров Рейхстага,
длиннее очереди у Мостиски,
длиннее фамилий венгерских депутатов...

Намеком на сюрреалистичность ситуации выступают также духи «Сальвадор Дали», которые герой выпил во время смертельного запой. Ироническая баллада С. Жадана проник-

нута ощущением абсурда и страха: после смерти Марата три его женщины сидят и спорят, кому достанется тело, потому что больше смерти «каждый из нас боится / остаться / один на один / со своей / жизнью». С литературным прототипом, красноармейцем-мечтателем из «Гренады», героя стихотворения роднит восприятие жизни как непрекращающейся войны и насилия, а также пребывание в лиминальном состоянии, на границе: нефтепровод тянется до границы, Германия, Польша, Венгрия – пограничны с Украиной, а Мостиска – пропускной пограничный пункт, коттедж, где умер Марат, находится в границах кольцевой дороги, Андалузия представлена как демонический персонаж, увлекающий героя за грань сна и смерти. Мотив границы, о-граниченности имеет семантику несвободы, зажатости героя обстоятельствами «среднего бизнеса». В лексике стихотворения можно выделить три группы: 1) книжная лексика, связанная с экономикой («средний бизнес», «социальная группа», «дефолт», «кредит», «частный сектор»), 2) снижено-разговорная лексика, связанная с криминалом («крышевать», «забухал», «бабло», «сто штук»), 3) «балладная» лексика («субстанция страха», «демоны», «сатана»). Соотношение этих трех лексических групп выражает идею связи экономики с преступлением и неизбежным страхом, доводящим до суицида. Герой постсоветского общества так же мечтает о свободе, как и герой Гражданской войны, и по-прежнему свобода – лишь мечта, реализуемая в смерти. Как выразился С. Жадан, «система тебе дверь открывает / только для того, чтобы потом ею защемить твои пальцы». Подобные настроения характерны не только для украинского автора, в одном из стихотворений москвича А. Родионова, также тяготеющего к балладной форме, рассказывается о благополучном бизнесмене, который по ночам, чтобы избыть тоску, выезжает из-за глухой ограды своего особняка и устраивает бешеную автомобильную гонку с такими же, как он, бизнесменами из коттеджей [Родионов 2008: 29-30], явно тяготея к смерти.

Вторая пара выбранных нами стихотворений развивает тему тотального насилия и силы оружия как основы социума.

В 1995 г. В. Строчков написал стихотворение «Братские узи или Песня про калашникова» [Строчков 2006: 157-159]. Тексту предпосланы три эпиграфа: из «Римских элегий. IV» И. Бродского, из стихотворения «Их было 26» М. Сухотина, в качестве третьего приведены одиозные слова Сталина, сказанные по поводу абсолютно беспомощной поэмы молодого Горького «Девушка и Смерть»: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете». В духе постмодернистского «карнавала» В. Строчков с самого начала стихотворения смешивает совершенно разнородные реалии: советизм «братские узы» и антисемитизм, Сталина и Бродского, купца из поэмы Лермонтова и библейских персонажей, автома-

ты «Узи» и «Калашников», «Фауст» Гете и фауст-патрон, Максима Горького и пулемет «Максим»:

Как сказал о еврейском пистолете-пулемете «Узи» один Прекрасный Иосиф другому Блудному сыну,

«Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете».

Но калашников сильнее Максима!

«Узи» и ловчей, и складней прикладом,
Без усилий впитывает нежное дульное сальце.
Но калашникову ничего не надо! -
Кроме Крепкой Руки или даже пальца...

С его помощью без усилий можно разделить на части шестую часть суши, у него «горячее сердце Франко и холодная ручка Изергиль Ибарурри».

С безграничным запасом братской любви в подсумках

он по свету бродит давно и долго,
недоимки взыскивая с недоумков,
задолжавших интернациональному долгу...

Друзьями Калашникова оказываются Алексей Сурков, Евгений Долматовский, Анна Зегерс, Фучик – и Бармалей с Айболитом. Барабас, «к сердцу простых людей подобранный ключик», Пиночет, Ясир Арафат, Садам Хусейн, Кастро, Мао и проч. Названы двадцать шесть фамилий политиков, думающих о Большом Друге, в том числе:

Лебедь и Грачев, Макашов, Громов,
весь ГКЧП, с хитрым Хасбулатом
пламенный Руцкой, говорящий матом,
грозный Баркашов, краса погромов...

(...)

Крепкою рукой подперев щеку,
С доброю улыбкой шевеля пальцем,
В голове сводя концы и счеты,
Думает о нем и в Кремле Ельцин.

Провокативно, задиристо, весело высказывает Строчков свое понимание всякой власти как насилия, Ельцин, по существу, уравнивается со Сталиным, с его доброй улыбкой и крепкой рукой. Аллюзии к героико-романтической «Песне про купца Калашникова...» М. Лермонтова и «Старухе Изергиль» М. Горького вводят тему национального характера, настоящего героя – и комически деконструируют ее, а заодно и концепт «братской любви» народов СССР и солидарности всех трудящихся, в число которых попадают и бандиты: сицилийцы и корсиканцы (мафиози), «люберцы, чеченцы, азербайджанцы...».

Неразличимость политиков и преступников, насилие как коммуникативную норму показывает и Елена Фанайлова в цикле «Черные костюмы». Но текст 2000-х гг. звучит вовсе не весело, а мрачно, взвинченная интонация близка к истерике, доминирует тема смерти: черные кос-

тумы – атрибут не только свадеб, официальных встреч и заседаний, но и похорон.

Е. Фанайлова спорит в чате с молодыми, называемыми ельцинский режим «кровавым» [Фанайлова 2008: 37], в одном из ее стихотворений герой делится впечатлениями от похорон Ельцина: его охрана выглядела более мужественной и достойной, чем путинская – «блистательные самураи», «те защищали его / А эти людей пугают». Герой видит ошибку Ельцина не в том, что введены войска в Чечню, не в том, что он просил прощения 31 декабря 1999 г., перепутав дату миллениума, а в том, что он испугался за близких и «отдал страну гебне» [Фанайлова 2008: 43]. В стихотворении «Отступление: жизнь в Интернете» Фанайлова упрекает молодых за нападки на тех, кто разрушал советскую систему, за социальную амнезию, за неспособность увидеть тупиковую реальность (по словам П. Бурдые, «вновь пришедшие, к тому же самые молодые, ставят под вопрос то, что в предыдущей революции было в оппозиции к предшествующей ортодоксии» [см. также: Литовская 2009: 121-124]):

Революция пожирает своих детей,
А они размножаются, как опарыши.

Вам что, не кажут это кино,
Которое во всех небесах
Крутят, во всех поездах
Смотрят, и уже решено,
Сколько отмерено всем бухла
И алмазов недр, и барахла...

[Фанайлова 2008: 37]

Позиция героини – нонконформизм, абсолютная ненависть, готовность бороться до конца в той тотальной гражданской войне, которая продолжается. Но, по сравнению с предыдущей книгой, «Русской версией», теперь героиня кажется бесконечно одинокой, уставшей, ее вот-вот покинет мужество. Больше всего ее мучает смерть близких людей, перед лицом которой она беспомощна. Так в социальные мотивы вторгаются мотивы экзистенциальные, гневные инвективы чередуются с поэтикой плача или причети («Одолень-трава, Умиление злых сердец, Постои за меня, Москва»), острый взгляд снайпера соседствует с «сумеречной», сновидческой поэтикой («Я разговариваю во сне / Хожу по земле во сне (...) И кому я песни своих поэм / Своей головы поев?»). Героиня сознает повторяемость истории, указывает на неизжитость травматического опыта рабского труда, Холокоста, политического предательства, делая это путем использования соответствующих – не законченных, потому что хрестоматийно известных – цитат:

В полном разгаре страда деревенская
И далее по тексту
(...)

Граждане
Эта сторона улицы
И далее по тексту
Римские граждане
Доколе наше терпение
И далее по тексту
Римского гражданина-выкреста...

Ее задача – напоминать о том, что «это было, бывало, было», потому что «если бы все доверяли только личному опыту, / История повторялась бы дважды / На пепелище». В финале стихотворения все же звучит надежда на то, что «будет другая история / И какой-то другой мир...».

Ощущение новой социальной закрытости и, одновременно, недоверие к существующему порядку выражено в стихотворении Антона Очирова «Тридцатник» [Очмров 2008: 61-62]. Молодой герой стихотворения, выросший уже в постсоветское время (А. Очиров – 1979 г.р., он на пять лет моложе С. Жадана), слышит искушающий голос соблазна, предлагающий деньги, наркотики, секс, путешествия... Но герой, осознающий, что вступил в возраст «акмэ» (А. Блок в 30 лет написал «Ямбы»), отвергает известные удовольствия: «это все ясно / это все просто / это дежурно». Итог, к которому приходит герой в финале стихотворения, говорит о социальной заинтересованности и презрении к потребительским удовольствиям (правда, в голосе, как нам кажется, есть оттенок глумливости):

а что же ты хочешь? что же ты хочешь?
– я хочу, чтобы в моей стране
образовалось гражданское общество

Характерная особенность в поэтическом осмыслении политических реалий – проецирование на актуальную социальность литературных «сценариев»: Ельцин увиден А. Левиным «в зеркале прессы», герой С. Жадана примеряет на себя роль хлопца из «Гренады» М. Светлова, насквозь литературны «Братские узи» В. Строчкова, Е. Фанайлова вспоминает тексты, маркирующие «минуты роковые». Почему действительность разворачивается по литературным образцам? Помимо общей для постмодернизма тактики интертекстуальности, свою роль играет, очевидно, факт повторяемости русской социальной истории: резкое изменение внешних обстоятельств, даже кардинальная «перестройка» 90-х гг. не меняют существа общества. Опираясь на исследования социологов, Т.А. Круглова утверждает, что «изменения не затронули его глубинных слоев, унаследованных от советской эпохи» [Круглова: 69]. Не случайно возникает ощущение, что в первое десятилетие XXI «пародируется застой» (Е. Фанайлова). Кроме того, герои современных авторов опираются на литературные прецеденты еще и в силу слабой собственной идентичности.

Правда, все чаще в основе социальных коллизий, отраженных в стихах, лежат не литературные «сценарии», а киносюжеты, поскольку видео (во всех его формах) потеснило словесность в плане влияния на массовое сознание. Наконец, следует отметить также обязательное ироническое дистанцирование от прецедентного текста, который все же остается условной маской, не вполне совпадающей с лицом современного героя.

ЛИТЕРАТУРА

Львовский Ст. «Видит горы и леса»: История про одно стихотворение Виталия Пуханова // Новое литературное обозрение. 2009. №2.

Жадан С. Интервью. URL: http://www.chaskor.ru/article/sergej_zhadan_politicheskikh_ubegdenij_u_meny_a_net_14064.

Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // Новое литературное обозрение. 2009. №100.

Макфадьен Д. Русские понты: бесхитростные и бессовестные. – М.: Альпина нон-фикшн, 2009.

Левин А. Песни неба и земли: Избранные стихотворения 1983-2006 годов – М.: Новое литературное обозрение. 2007.

Жадан С. Chicago Bulls // Сетевая словесность. URL: <http://www.netslova.ru/zhadan/sthi.html>

Жадан С. Из цикла «Украинские свадебные и рекрутские песни» // Воздух: Журнал поэзии. 2008. №1.

Родионов А. Люди безнадежно устаревших профессий. – М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Строчков В. Наречия и обстоятельства. 1993-2004. – М.: Новое литературное обозрение. 2006.

Фанайлова Е. Черные костюмы. – М.: Новое издательство. 2008.

Литовская М. А. Социалистический реализм как предмет рефлексии постсоветской прозы // Советское прошлое и культура настоящего. Т.1. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2009.

Очмров А. Ластики: Книга стихов. – М.: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2008.

Круглова Т.А. Ценности и символы «коммунальной коллективности» сквозь призму диалога поколений // Советское прошлое и культура настоящего. Т. С. 69.

Давыдов Д. Виталию Пуханову // Воздух: Журнал поэзии. 2009. №3-4.

© Барковская Н.В., 2010